Дата поступления рукописи в редакцию: 02.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 14.05.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-4-434-438

ИСКАНДАРОВ Роберт Рафаилевич,
кандидат медицинских наук,
старший научный сотрудник ФКУ
«Научно-исследовательский институт
Федеральной службы исполнения наказаний»,
e-mail: dr.iskandarov@inbox.ru.

ХРОНОС И КАЙРОС ЗА РЕШЕТКОЙ: ПЕРЕЖИВАНИЕ ВРЕМЕНИ КАК ЭТИЧЕСКАЯ И ПСИХОПАТОЛОГИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

Аннотация. *В статье проводится феноменологический и клинический анализ переживания времени в условиях пенитенциарной изоляции. На основе философского различения хроноса (количественного, измеримого времени) и кайроса (качественного, событийного момента) исследуются темпоральные нарушения, лежащие в основе психопатологических феноменов у лиц, находящихся в местах лишения свободы. Показано, что тюремная среда характеризуется гипертрофией хроноса при систематической элиминации кайроса, что приводит к утрате событийности и темпоральной дезинтеграции. Описаны клинические проявления дефицита кайроса: синдромы дереализации, депрессивная симптоматика, нарушения будущей ориентации. Особое внимание уделено феноменологии одиночного заключения как наиболее радикальной форме темпоральной депривации. Выявлены компенсаторные стратегии, вырабатываемые заключенными для искусственного создания событийности. Обсуждаются этические импликации тюремного времени для пенитенциарной психиатрии. Делается вывод о необходимости восстановления способности пациента к событийному переживанию времени как важнейшей задачи клинициста.*

Ключевые слова: *хронос, кайрос, пенитенциарная психиатрия, переживание времени, темпоральность, одиночное заключение, дереализация, депрессия, феноменология, экзистенциальный анализ.*

ISKANDAROV Robert Rafailevich,
Candidate of Medical Sciences, Senior Researcher,
Federal State Institution «Research Institute
of the Federal Penitentiary Service»

CHRONOS AND KAIROS ARE BEHIND BARS: EXPERIENCING TIME AS AN ETHICAL AND PSYCHOPATHOLOGICAL CATEGORY

Annotation. *The article presents a phenomenological and clinical analysis of time experience in conditions of penitentiary isolation. Based on the philosophical distinction between chronos (quantitative, measurable time) and kairos (qualitative, eventful moment), temporal disorders underlying psychopathological phenomena in incarcerated individuals are examined. It is shown that the prison environment is characterized by hypertrophy of chronos with systematic elimination of kairos, leading to loss of eventfulness and temporal disintegration. Clinical manifestations of kairos deficit are described: derealization syndromes, depressive symptomatology, and disturbances of future orientation. Special attention is paid to the phenomenology of solitary confinement as the most radical form of temporal deprivation. Compensatory strategies developed by prisoners to artificially create eventfulness are identified. Ethical implications of prison time for penitentiary psychiatry are discussed. The conclusion is drawn about the necessity of restoring the patient's ability to experience time eventfully as an important task for the clinician.*

Key words: *chronos, kairos, penitentiary psychiatry, time experience, temporality, solitary confinement, derealization, depression, phenomenology, existential analysis.*

Введение. В клинической практике пенитенциарного психиатра время предстает не просто формальным параметром отбывания наказания, но фундаментальной экзистенциальной категорией, структурная деформация которой лежит в основе большинства регистрируемых

психопатологических феноменов. Тюремное заключение традиционно понимается как лишение свободы передвижения и социальных контактов, однако за этими очевидными депривациями скрывается нечто более глубинное – лишение субъективно переживаемой событийности, превращающее хронологическую длительность (хронос) в пустую, деструктивную форму. Именно разрыв между физическим временем и моментами подлинного присутствия (кайрос) образует ту незримую ось, вокруг которой кристаллизуются депрессивные расстройства, дереализационные синдромы и более тяжелые формы пенитенциарной психопатологии.

Настоящая статья представляет собой попытку феноменологического и клинического анализа того, как переживание времени в условиях изоляции трансформируется из нейтральной последовательности «теперь-точек» в этически нагруженное измерение страдания. Опираясь на философское различие между хроносом и кайросом, введенное Аристотелем и получившее экзистенциально-феноменологическую разработку в трудах М. Хайдеггера и Э. Минковского, мы рассмотрим тюремную камеру как уникальную лабораторию темпоральных нарушений, где потеря событийности оборачивается потерей самости [3; 5].

Философские основания темпоральности: от Аристотеля к феноменологической психопатологии. Аристотелевское различение хроноса и кайроса задает парадигмальную рамку для понимания того, как время может быть переживаемо принципиально различными способами. Хронос представляет собой количественную, гомогенную, измеримую длительность – время как последовательность моментов, поддающихся счету и календарной фиксации. Это время часов, расписаний, сроков наказания, оно безразлично к содержанию наполняющих его событий. Кайрос же, напротив, означает качественный, ситуативный момент, требующий своевременного действия, время как благоприятную возможность, как точку пересечения внешних обстоятельств и внутренней готовности. Если хронос отвечает на вопрос «сколько времени прошло», то кайрос – «наступил ли подходящий момент» [1].

Эта дистинкция приобретает принципиальное значение для психиатрии, когда мы обращаемся к работам Эжена Минковского, одного из первых исследователей, систематически применивших феноменологический метод к анализу психопатологических нарушений переживания времени. Минковский, ученик Эйгена Блейлера и последователь Анри Бергсона, предложил концепцию «живого времени» (le temps vécu) как фундаментальной структуры сознания, нарушение которой составляет ядро шизофренического и депрессивного опыта [5]. Для Минковского патогномоничным признаком психоза является не столько содержание бредовых идей, сколько потеря «витального контакта с реальностью» (perte de contact vital avec la réalité), и эта потеря в первую очередь манифестирует себя как деформация темпоральной структуры переживания.

Минковский выделял будущую ориентацию — горизонт ожидания, надежды и желания – как ключевой компонент здорового переживания времени. В его анализе желание, надежда и молитва суть сугубо ориентированные в будущее феномены, и именно их нарушение характеризует меланхолическое состояние, когда время перестает течь вперед и застывает в мучительной неподвижности. Это наблюдение имеет прямое отношение к пенитенциарной психиатрии: заключенный, лишенный возможности проецировать себя в будущее за пределами режимных ограничений, оказывается в ситуации, структурно напоминающей меланхолическую остановку времени.

Мартин Хайдеггер в «Бытии и времени» предложил радикально иную концептуализацию времени, сместив фокус от объективной длительности к темпоральности самого присутствия (Zeitlichkeit des Daseins) [3]. Для Хайдеггера подлинное существование (Eigentlichkeit) развертывается в единстве трех экстазов времени: будущего (как способности быть впереди себя), настоящего (как способности давать присутствовать сущему) и прошлого (как способности возвращаться к своему уже-бывшим). Неподлинное существование, напротив, характеризуется «падением» в наличный мир и поглощенностью текущим моментом, утратой темпоральной целостности.

В своих Цолликонских семинарах Хайдеггер непосредственно обратился к вопросам психиатрии, рассматривая шизофрению не просто как физиологическую аномалию, но как состояние лишения (Entzugserscheinung) – утраты способности Dasein к размыканию в мир и к событию (Ereignis) [3; 7]. Для Хайдеггера психопатология коренится в нарушении темпоральной структуры, в утрате способности к «присутствованию», то есть к установлению осмысленных отношений с пространством и временем. Эта теоретическая рамка позволяет нам понять тюремное заключение как институционально санкционированную форму темпоральной дезинтеграции – как состояние, в котором Dasein систематически лишается возможности подлинного временения.

Хронос как орудие наказания: количественное время в пенитенциарной системе. Тюремная система организована вокруг хроноса как своего организующего принципа. Срок наказания измеряется в годах, месяцах и днях; режим дня расписан по минутам; дата освобождения выступает

единственным значимым ориентиром в темпоральной пустоте. Как отмечают исследователи пенитенциарной темпоральности, тюрьма представляет собой уникальную пространственно-временную среду, характеризуемую Фуко как дисциплинарное пространство, где время используется для производства послушных тел и где наказание реализуется через лишение человека сегментированных отрезков его свободной жизни (Westerman et al., 2023) [10].

Парадоксальным образом именно эта гипертрофированная организация хроноса приводит к его обессмысливанию. Заключенный оказывается в ситуации, которую можно назвать «хронос-дисфорией»: время, которое должно быть измеряемо и контролируемо, переживается как мучительно тянущееся или, напротив, как пугающе ускользающее. Исследования показывают, что субъективное переживание времени в тюрьме полностью отлично от того, как время операционализируется через приговоры: возникает некомфортная двойственность времени, которое одновременно и проходит (маркируемое стареющим телом и утратой общих хронологий с близкими), и стоит на месте, поскольку недифференцированный режим сливает один день с другим.

Особенно показательным в этом контексте является феномен ожидания. Ожидание в тюремной среде не ограничивается ожиданием освобождения – оно пронизывает все аспекты жизни: ожидание медицинской помощи, ожидание ответа на жалобу, ожидание визита, ожидание перевода в другую камеру или учреждение. Исследования пенитенциарной системы здравоохранения показывают, что ожидание в тюрьме качественно отличается от ожидания в обычной жизни, поскольку оно лишено темпоральной агентности – способности индивида манипулировать временем через доступ к когнитивным и материальным ресурсам, чтобы наполнить ожидание смыслом и продуктивностью.

Утрата Кайроса: клинические проявления дефицита событийности. Если хронос в тюрьме гипертрофирован до степени навязчивого присутствия, то кайрос – время события, время встречи, время значимого момента –систематически элиминируется. Тюремная камера представляет собой пространство, из которого изгнана неожиданность в ее позитивном смысле: все, что может произойти, уже предусмотрено режимом, а любые отклонения от расписания означают не возможность, но угрозу. Заключенный лишается того, что в феноменологической традиции называется «событием» (Ereignis) – момента, когда временные экстазы собираются воедино и время обретает смысловую плотность.

Клинические последствия этой утраты кайроса многообразны и тяжелы. В своей наиболее легкой форме они проявляются как синдром дереализации – переживания, при котором окружающий мир утрачивает свою реальность и воспринимается как плоский, неодушевленный, лишенный аффективной окраски. В более тяжелых случаях развивается депрессивная симптоматика, структурно аналогичная той, что Минковский описывал при меланхолии: утрата желания как способности проецировать себя в будущее, исчезновение надежды, застывание времени в мучительной неподвижности настоящего [9].

Исследования психопатологии в пенитенциарной популяции показывают, что заключенные с психопатологическим анамнезом до поступления, более молодые заключенные (18-29 лет) и те, кто провел в заключении относительно короткое время, демонстрируют наибольшую выраженность психопатологических симптомов [6]. Этот, на первый взгляд, противоречивый результат (короткий срок заключения коррелирует с большей симптоматикой) может быть интерпретирован именно в терминах утраты кайроса: для тех, кто еще не выработал компенсаторных стратегий наполнения времени, потеря событийности переживается наиболее остро.

Дрю Ледер в своем феноменологическом анализе опыта хронической боли и тюремного заключения выделяет ряд структурных параллелей между этими, на первый взгляд, различными состояниями. И боль, и заключение вызывают, во-первых, констрикцию жизненного пространства и диапазона возможных действий; во-вторых, нарушение жизненного времени, такое что человек оказывается запертым в аверсивном «сейчас» или постоянно пытается из него бежать; в-третьих, изоляцию, когда значимые социальные контакты сокращаются или вовсе исчезают; и, в-четвертых, депауэризацию и деперсонализацию, особенно когда больной или заключенный чувствует себя захваченным дегуманизирующей системой [4].

Социальная смерть и темпоральная дезинтеграция: феноменология одиночного заключения. Наиболее радикальной формой утраты кайроса является одиночное заключение. Лиза Гюнтер в своем фундаментальном исследовании «Одиночное заключение: социальная смерть и ее последствия» показывает, что изоляция выходит далеко за пределы простого лишения социальных контактов, представляя собой атаку на саму структуру бытия-в-мире [2].

В одиночной камере хронос достигает своего предела: время становится абсолютно гомогенным, лишенным любых маркеров, любых различий между днем и ночью, будним днем и выходным. Кайрос здесь полностью аннигилирован – не может произойти ничего, что не было бы предвидено и контролируемо. Гюнтер, следуя за Хайдеггером и Левинасом, описывает это состоя-

ние как «мертвое время» – время, которое не течет, но и не останавливается, но скорее истощается в своем темпоральном качестве [2].

Феноменология одиночного заключения демонстрирует, что потеря кайроса ведет не просто к депрессии или дереализации, но к состоянию, которое Гюнтер называет «атакой на само бытие». Заключенный в одиночной камере теряет способность различать прошлое, настоящее и будущее – эти измерения сливаются в единую, недифференцированную массу, которую невозможно ни измерить, ни пережить как осмысленную длительность. В клинической практике это состояние часто манифестирует как психотическая декомпенсация с явлениями спутанности, дезориентации и утратой чувства собственной идентичности.

Искусство создания кайроса: компенсаторные стратегии заключенных. Человеческая психика, однако, обнаруживает удивительную способность к сопротивлению даже в условиях тотальной темпоральной депривации. Заключенные вырабатывают разнообразные стратегии искусственного создания событийности – способы внесения кайроса в гомогенную ткань хроноса. Эти стратегии представляют не просто психологические защиты, но экзистенциальные акты сопротивления дезинтеграции самости.

Ледер описывает несколько таких стратегий на основе своих бесед с заключенными. Первая – адаптивность, способность научиться жить иначе, но хорошо, в пределах, налагаемых болью или заключением. Вторая – аппрециативная присутственность, способность находить радость в и богато использовать «сейчас». Третья – ментальная свобода, включающая способность выбирать эмоциональные реакции и расширять интеллект и дух даже когда тело ограничено. Четвертая – сообщество, преодоление изоляции через эмпатическое отношение к другим [4].

В пенитенциарной практике мы наблюдаем широкий спектр таких компенсаторных феноменов. Это и ритуализация повседневных действий (придание событийного статуса приему пищи, гигиеническим процедурам, физическим упражнениям), и создание внутренних календарей и хронологий (подсчет дней, отмечание «круглых» дат), и использование творческой активности (письмо, рисование, музыка) как способа конструирования значимых моментов. Некоторые заключенные сообщают о «прорывных» состояниях, возникающих в условиях изоляции – моментах интенсивного религиозного или экзистенциального переживания, которые они описывают как подлинный кайрос, как время встречи с чем-то, что трансцендирует тюремные стены.

Бернд Ниссен в своем психоаналитическом исследовании времени показывает, что в клинической ситуации «момент присутствия» может стать точкой, в которой безвременное состояние распада развертывается в подлинное время, где прошлое, будущее и настоящее обретают свою различность и связность [8]. Этот инсайт имеет прямое терапевтическое применение в пенитенциарной психиатрии: задача клинициста заключается не просто в купировании симптомов, но в создании условий для возникновения терапевтического кайроса – момента, в котором время для пациента вновь обретает свою событийную плотность и темпоральную структуру.

Этическое измерение тюремного времени. Различие между хроносом и кайросом имеет не только психопатологическое, но и глубокое этическое измерение. Если наказание измеряется в хронологических единицах (срок заключения), то страдание, которое оно причиняет, связано с потерей кайроса – с невозможностью проживать время как осмысленную событийность. Это ставит перед пенитенциарной системой и клиницистами, в ней работающими, ряд сложных этических вопросов.

Может ли наказание, измеряемое количеством времени, быть адекватным, если субъективное переживание времени столь вариативно? Не усугубляет ли современная пенитенциарная система, с ее акцентом на длительных сроках и режимной регламентации, те самые темпоральные нарушения, которые лежат в основе рецидивной преступности? Какова этическая ответственность тюремного психиатра перед пациентом, чье страдание коренится не в «болезни» в узком смысле, но в экзистенциальной структуре самого заключения?

Эти вопросы не имеют простых ответов. Однако феноменологический анализ тюремного времени позволяет утверждать, что любая этически обоснованная пенитенциарная практика должна включать в себя измерение кайроса – должна создавать возможности для событийности, для значимых моментов, для временения в подлинном смысле этого слова. Это может означать не только реформу режимных условий (доступ к образованию, творчеству, религиозной практике), но и фундаментальный пересмотр того, как мы концептуализируем само наказание.

Заключение. Переживание времени в тюремной камере представляет собой уникальный клинический феномен, в котором философское различие между хроносом и кайросом обнажает свою практическую значимость. Гипертрофия количественного, измеримого времени в сочетании с систематической элиминацией качественных, событийных моментов создает темпоральную среду, которая сама по себе является патогенной. Потеря кайроса ведет к депрессивной симптоматике, дереализации, а в наиболее тяжелых случаях – к темпоральной дезинтеграции, стирающей границы между прошлым, настоящим и будущим.

Однако человеческое Dasein не пассивно перед лицом этой деструкции. Заключенные вырабатывают разнообразные стратегии искусственного создания кайроса, превращая пустые моменты хроноса в событийно наполненные. Эти компенсаторные феномены представляют не просто психологические защиты, но акты экзистенциального сопротивления – свидетельство того, что даже в условиях тотальной темпоральной депривации сохраняется способность к временению как фундаментальной структуре человеческого бытия.

Для пенитенциарного психиатра понимание темпоральной динамики заключения открывает новые терапевтические возможности. Задача клинициста заключается не только в фармакологической коррекции симптомов, но в восстановлении способности пациента к событийному переживанию времени, к различению временных модусов, к надежде как будущей ориентации. В конечном счете, это задача возвращения кайроса в мир, из которого он был изгнан, – задача, столь же этическая, сколь и клиническая.

Список литературы:

[1] Bergmann G. Zeit – die 4. Dimension in der Medizin und der Psychotherapie // Wiener Medizinische Wochenschrift. 2003. Bd. 153. С. 187–192. DOI: 10.1046/j.1563-258X.2003.03013.x.

[2] Guenther L. Solitary Confinement: Social Death and Its Afterlives. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2013. 321 с. URL: https://archive.org/details/solitaryconfinem0000guen (дата обращения: 29.03.2026).

[3] Heidegger M. Sein und Zeit. Tübingen : Max Niemeyer Verlag, 1927. 437 с.

[4] Leder D. Coping with chronic pain, illness and incarceration: what patients and prisoners have to teach each other (and all of us) // Medical Humanities. 2018. Vol. 44, № 2. P. 113–119. URL: https://mh.bmj.com/content/44/2/113 (дата обращения: 29.03.2026).

[5] Minkowski E. Le Temps vécu. Études phénoménologiques et psychopathologiques. Paris : J.L.L. d'Artrey, 1933. 340 с.

[6] Molina-Coloma V., Salaberría K., Pérez J.I. Psychological symptomatology in a prison population: an exploratory study of age, psychopathological history and time in prison // Revista Española de Sanidad Penitenciaria. 2021. Vol. 23, № 1. P. 20–27. DOI: 10.18176/resp.00027.

[7] Moreira N.C. Heidegger and schizophrenia: the state of deprivation of Dasein in the Zollikon Seminars // SciELO Preprints. 2024. DOI: 10.1590/SciELOPreprints.9206.

[8] Nissen B. Kairos and chronos: clinical-psychoanalytic reflections on time // The International Journal of Psychoanalysis. 2023. Vol. 104, № 3. P. 452–466. DOI: 10.1080/00207578.2023.2182689.

[9] Oyebode F. Buttes, Mesas, Pillars and Time // MindReadings [Электронный ресурс]. 2013. URL: https://femioyebode.com/2013/05/13/buttes-mesas-pillars-and-time/ (дата обращения: 29.03.2026).

[10] Westerman A., Farragher T., Bambra C., Barr B., Wickham S. 'Trying to battle a very slow version of the system that exists outside': Experiences of waiting for healthcare in English prisons // Journal of Health Psychology. 2023. Vol. 28, № 5. P. 736–753. DOI: 10.1177/13634593231195785.

References:

[1] Bergmann G. Zeit – die 4. Dimension in der Medizin und der Psychotherapie // Wiener Medizinische Wochenschrift. 2003. Bd. 153. S. 187-192. DOI: 10.1046/j.1563-258X.2003.03013.x.

[2] Guenther L. Solitary Confinement: Social Death and Its Afterlives. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2013. 321 p. URL: https://archive.org/details/solitaryconfinem0000guen (Accessed: 29.03.2026).

[3] Heidegger M. Sein und Zeit. Tübingen : Max Niemeyer Verlag, 1927. 437 pp.

[4] Leder D. Coping with chronic pain, illness and incarceration: what patients and prisoners have to teach each other (and all of us) // Medical Humanities. 2018. Vol. 44, № 2. P. 113–119. URL: https://mh.bmj.com/content/44/2/113 (access date: 29.03.2026).

[5] Minkowski E. Le Temps vécu. Études phénoménologiques et psychopathologiques. Paris : J.L.L. d'Artrey, 1933. 340 s.

[6] Molina-Coloma V., Salaberría K., Pérez J.I. Psychological symptomatology in a prison population: an exploratory study of age, psychopathological history and time in prison // Revista Española de Sanidad Penitenciaria. 2021. Vol. 23, № 1. P. 20–27. DOI: 10.18176/resp.00027.

[7] Moreira N.C. Heidegger and schizophrenia: the state of deprivation of Dasein in the Zollikon Seminars // SciELO Preprints. 2024. DOI: 10.1590/SciELOPreprints.9206.

[8] Nissen B. Kairos and chronos: clinical-psychoanalytic reflections on time // The International Journal of Psychoanalysis. 2023. Vol. 104, № 3. P. 452–466. DOI: 10.1080/00207578.2023.2182689.

[9] Oyebode F. Buttes, Mesas, Pillars and Time // MindReadings [Электронный ресурс]. 2013. URL: https://femioyebode.com/2013/05/13/buttes-mesas-pillars-and-time/ (access date: 29.03.2026).

[10] Westerman A., Farragher T., Bambra C., Barr B., Wickham S. 'Trying to battle a very slow version of the system that exists outside': Experiences of waiting for healthcare in English prisons // Journal of Health Psychology. 2023. Vol. 28, № 5. P. 736–753. DOI: 10.1177/13634593231195785.